

А. В. Головнёв

ДОРОЖНАЯ КАРТА АНТРОПОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ*

Сразу после выхода «Антропологии движения» и первых откликов на нее¹ стало понятно, что обширный диапазон и потенциал этой методологии предполагает навигацию ее дальнейшей разработки. Ряд перспектив, включая соотношение функций методологии и технологии, был рассмотрен в докладе на Президиуме РАН.² В этом измерении идет поиск ответа на вопрос: насколько антропология, история и гуманитарные науки вообще адекватны происходящей информационной революции? Как в век Просвещения наука отняла у религии монополию на знание, так сегодня эту монополию у науки на наших глазах отнимает информационная империя по прозвищу WWW. Сегодня для утоления жажды открытий можно не грызть гранит науки и не пускаться в кругосветное плавание, а кликнуть нужное открытие (в меню открытий) щелчком мыши. Просвещение-2 означает новую ступень секуляризации и демократизации знания, а также обновление ментальной индустрии: методология добычи знаний дополняется технологией их переработки и реализации. В гуманитарный цех науки пришел сметливый менеджер, чтобы описать имущество и наметить бизнес-план оборота и конвертации активов. Между тем среди этих активов есть те, которые не только обладают завидным ресурсом, но и могут полноценно работать только по специальным научным технологиям.

¹ Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009; Тишков В. А. Движение как феномен истории и культуры // Вестник РАН. 2010. Т. 80, № 10. С. 947–950; Вахтин Н. Б. Взгляд с горы. Рецензия на книгу: Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии) // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 423–439.

² Головнёв А. В. Антропология движения: историческая методология и гуманитарная технология // Вестник РАН. 2011. Т. 81, № 8. С. 700–706.

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

* Работа выполнена по проектам: «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика» (12-П-6-2016) в рамках Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» и «Границы и перекрестки урало-сибирского пространства: сценарии этнокультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (12-С-6-1005) в рамках Программы межрегиональных и межведомственных фундаментальных исследований

Реальным гуманитарным активом представляется антропология с ее тотальной обращенностью к человеку. Гуманитарный капитал антропологии приносит прибыль науке и обществу при условии его живого обращения в фазах (1) методологии получения знания из реальности и (2) технологии возвращения обработанного знания в реальность. Наука жизнеспособна, если механизм черпанья-возвращения отлажен, не замыкается на «вводе данных в научный оборот» (как любят выражаться диссертанты), а обеспечивает перевод этих данных в «человеческий оборот». Методология и технология работают в связке, питая друг друга, обеспечивая прямое общение науки и жизни. Разрыв этой связки летален для науки. Поэтому разделение научных знаний на фундаментальные и прикладные, как это сложилось в эпоху модерна, выглядит анахронизмом. На гуманитарные науки распространяется тезис Р. Кирхгофа «Нет ничего практичнее хорошей теории», выраженный на свой лад антропологом Б. Малиновским: «Если теория истинна, то она одновременно является и прикладной».

В антропологии движения связка методология–технология обеспечивается тремя принципами: (1) человеческое движение во всех его вариациях, от физического до виртуального, от исторического до проектного, рассматривается через актуальный алгоритм мотив–решение–действие; (2) в прошлом и настоящем главный интерес представляют истоки, а не итоги, что существенно ближе к жизненным реалиям, чем «суд над прошлым»; (3) сами по себе инструменты и приемы исследования выработаны в динамике (ментальности нómáдизма, языке кинематографа), выражающей и выявляющей моторные жизненные смыслы и ценности.

Сессия «Антропология движения» в рамках IX Конгресса этнографов и антропологов России³ открыла впечатляющий спектр созвучных и сопричастных тем, от земной гравитации до дрейфа идентичности. Безбрежность одновременно окрыляет и пугает, и для вывода методологии-технологии на рабочую

³ IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. Петрозаводск, 2011. С. 104–111.

мощность необходимо определить ключевые направления ее апробации и разработки. Эту «дорожную карту» (пользуясь удобным для антропологии движения понятием) можно представить как путь-монтаж, в котором одни участки уже пройдены, другие обследуются, третьи лишь угадываются. В монтаже сочетаются направления: (1) феноменология, (2) моторика, (3) мотивационизм, (4) визуализация, (5) навигация.

Феноменология

Это направление предполагает согласование наблюдений и гипотез антропологии с данными о движении других наук, прежде всего естественных. Речь идет об определении общих концептуальных позиций, инструментария, компаративного поля в изучении природы движения. В естественных науках концептуализация движения не менее противоречива, чем в гуманитарных (достаточно вспомнить парадоксы Зенона и теорию относительности Эйнштейна), включая вечные вопросы об измеримости движения и грани между динамикой и статикой. Ознакомившись с «Антропологией движения», акад. В. Н. Чарушин обозначил в качестве сопоставимого феномена известное в стереохимии и общее для органического мира свойство хиральности (от древнегреческого *χειρ* «рука») — существование веществ в зеркальных формах (энантиомеров), подобно левой и правой руке.⁴ Проф. Ю. Л. Войтеховский обратил внимание на обозначенную в кристаллографии зависимость распределения по группам Кюри (7 предельным и 32 точечным группам, содержащим оси симметрии бесконечного порядка): чем проще структура кристалла, тем выше его симметрия, тогда как органические вещества кристаллизуются в низкосимметричных сингониях. Эти замечания соотносимы с восходящими к Л. Пастеру и В. И. Вернадскому наблюдениями о грани между живым и неживым в проекции асимметрии/симметрии: для неживой природы характерна молекулярная симметрия, для органических веществ — выраженная асимметрия. В самом общем виде асимметрия оказывается характерной чертой органической динамики, симметрия — неорганической статики. Живое отличается от неживого едва уловимой неровностью, неуравновешенностью.

Для антропологии движения эта естественнонаучная ассоциация значима (помимо очевидных биоантропологических параллелей) соотношением симметрии с покоем, порядком и устойчивостью, асимметрии — с движением, беспорядком и изменчивостью. Иногда она не вполне корректно распространяется на эстетическую дихотомию гармония/диссонанс (совершенство/несовершенство), хотя как симметрия, так и асимметрия по-своему гармоничны — в религиозной символике устойчивость выражена симметрией (например, креста, круга), в искусстве живость часто передается асимметрией (например, в импрессионизме).

Не повторяя сказанного ранее о явном (но, надеюсь, преодолимом) пристрастии науки к картинам статики, подчеркну, что в антропологии движения динамика и статика противопоставляются лишь для показа их переменности и диапазона промежуточных состояний. Речь идет не о замене статичных измерений динамичными, а о двухмерности. Оседлость, культурная локальность и другие проявления антропологической статики не только не исключают, но и предполагают адекватную динамику — номадизм и культурную магистральность. Всякое движение относительно, поскольку прерывается покоем (остановкой, сном, смертью и т. д.), как всякий покой прерывается и/или внутренне наполняется движением. Трудно сказать, в чем больше динамики — в короткой поэтической строке или беге на длинную дистанцию, в работе гончара или странствии паломника, в расчете полководца или галопе его конницы.

Опыт естественных наук показывает, что оптимальной мерой движения выступает не расстояние, а энергия. В гуманитарном поле она далека от формализации: по-своему с ней перекликаются религиозные понятия *мана* (у меланезийцев), *оренда* (у североамериканских индейцев), *кер* (у африканских алуфов), а в концептуальных построениях — *асабия* (Ибн-Хальдун), движущая сила (Г. Гегель, Ч. Дарвин, К. Маркс), обузданная энергия (Л. Уайт), пассионарность (Л. Н. Гумилев) и т. д.

В гуманитарном поле «неровностью», критически значимой для движения, является человек-персона. Он создает отклонения, называемые в философии случайностями, в истории — ролью личности, в антропологии — персональной мотивацией. На фоне закономерностей они могут казаться частностями, но именно их маневр

⁴ См. также: Чарушин В. Н., Чупахин О. Н. Новые методологии органического синтеза // Вестник РАН, 2007. Т. 77, № 5. С. 406.

вызывает ситуативный крен, из-за которого начинаются лавины завоеваний или революций. Р. Том в математической теории катастроф обращает внимание на «единичные факты», «локальные процессы» и эпизоды резкой смены качества при плавном изменении количественных параметров (что диаметрально расходится с классической диалектикой перехода количества в качество).⁵

Обществоведы предпочитают те «единичные факты», которые соответствуют социальному тренду, тогда как в частных вариациях видят не заслуживающие внимания погрешности. Традиционно ход истории наделяется высшим смыслом, заданным божьей волей или объективным законом развития, а исторические персонажи представляются исполнителями высшей воли. На самом деле редактором исторического смысла выступает сам историк, монтирующий факты так, чтобы в них выразилась доступная ему логика. М. Блок в свое время иронизировал: «Читая иные книги по истории, можно подумать, что человечество сплошь состояло из логически действующих людей».⁶

В реальности не только и не столько логика истории руководит действиями людей. Применительно к современной практике принятия решений Г. Саймон предложил концепцию ограниченной рациональности, поскольку люди, во-первых, не наделены абсолютной рациональностью, во-вторых, при принятии решений руководствуются не здравым смыслом, а персональными устремлениями.⁷ Именно частные отклонения — особенно в критический момент — играют решающую роль на сцене истории, напоминающей порой турнирную арену и даже игорный зал.

Любая новация — отклонение от нормы, и лишь победа над прежней традицией делает ее «прогрессивной». В балансе устойчивости (традиций) и изменчивости (новаций) пристального внимания заслуживают сценарии потери равновесия и активации отклонения. При этом антропологии движения чужда абсолютизация понятий «традиция» и «новация», поскольку она разрывает живой ритм динамики и статики, в котором традиции могут выступать не тормозом, а источником, фильтром

или трамплином новаций. Как показывает опыт (например, англичан, китайцев, японцев), этнокультурные традиции легко уживаются с технологическими новациями и даже выступают их опорой. Без них новации, особенно внешние, способны подавить или подчинить культуру.

Соотношение очагов традиций и потоков новаций, локальных и магистральных культур передается английской игрой слов *root/route* (корень/путь).⁸ Подобное созвучие, возникшее на пересечении англо-нордического «корня» (*rot*) и французского «пути» (*rute*), можно истолковать как эхо колонизации Британии англосаксами и нормандцами (с последовательным схождением паронимов-антонимов) или просто эффект «рулетки» в наборе лексики. Так или иначе, корни и пути как символы социальной статики и динамики, локальности и магистральности, при различии их характера и траектории, создают целостность движения.

Моторика

Продолжая словарный экскурс, отмечу, что в английском переводе «антропологии движения» я чаще использую понятие *movement*, чем *motion*. В сходных по тематике англоязычных работах о путях и путешествиях обычно применяется *motion*,⁹ тогда как *movement* больше употребим в контексте моторики и общественных движений. В этом выборе сработала не «рулетка», а предпочтение того из синонимов, который ярче выражает активность: если в *motion* преобладает «состояние», то в *movement* — «действие».

Акцент на собственной активности, а не реакции на внешние обстоятельства,¹⁰ не отменяет аргумента изначальной высокой мобильности прачеловека. Подвижность на уровне номадизма была изначальным свойством человека, инструментом адаптации, освоения мира и строительства культуры. Антропологических свидетельств того, что древний Номо, обитавший 2 млн. лет назад на Восточно-Африканском рифте, был выносливым бегуном, становится все больше, и прежняя недооценка этого обстоятельства сменяется размышления-

⁵ Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М., 2002.

⁶ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 110.

⁷ Simon H. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Process in Administrative Organizations. 4th edition. N.-Y., 1997.

⁸ См.: Clifford J. Routes: Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, MA, 1997; Стори Дж. Память о себе: «истоки» и «пути» идентичности // Урал. ист. вест. 2011. № 2 (31). С. 34–39.

⁹ См., например: Leed E. J. The Mind of the Traveler: From Gilgamesh to Global Tourism. N.-Y., 1991.

¹⁰ См.: Бернштейн Н. А. Очерки о физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

ми о решающей роли бега в эволюции человека.¹¹ До сих пор жители Восточно-Африканского рифта остаются лучшими природными стайерами планеты — спортсмены из Кении и Эфиопии прочно удерживают мировое лидерство в беге на длинные дистанции. Впрочем, и в других областях Африки обнаруживаются физические качества, впечатляющие не меньше олимпийских рекордов: например, в фильме «Путешествие человека»¹² упомянуты бушмены, которые бегом загоняют антилоп до изнеможения. Создается впечатление, что с праисторических времен очаг быстроты и выносливости остался на месте, а расселившееся по планете человечество замедлило свой бег, подыскав ему технические альтернативы (от метательных снарядов до транспортных средств).

Африканский опыт показывает, что длинные ноги и выносливость в беге играют важную роль в контроле над пространством. Впрочем, длина ног, донныне культивируемая в эстетике, — лишь частность в человеческой моторике. Известно, что моторика развивается у человека сверху вниз: сначала ребенок учится контролировать движения глаз, а напоследок — ног. Человек как двигатель запускается с головы до пят, и эта последовательность отображается в системе контроля над пространством, где ходьба или бег играют служебную роль, выполняя «указания сверху».

Конкурентным преимуществом Ното в биоценозе была не сила и красота ног, а сложный синтез моторики, включая телодвижения, психодвижения и социодвижения. Понятие «моторика» применительно к организму человека определяется как «двигательная активность». Для антропологии движения возможно расширение ее толкования как двигательной активности в духовном и социальном пространстве. Среди ее видов (или областей) в поле зрения антрополога оказываются биомоторика (телодвижения), психомоторика (техники индивидуального поведения), социомоторика (техники социального поведения).

Антропология тела, обозначенная в «Техниках тела» М. Мосса, за последние десятилетия развернулась в обширное исследовательское поле. Проксемика Э. Холла определяет пространственное поведение и контактные дис-

танции.¹³ Кинесика Р. Бёрдвистелла сфокусирована на анализе поз, жестов, мимики, интонаций — невербального параязыка, несущего на себе две трети коммуникативной нагрузки. Общение, например беседа, лишь на четверть состоит из новостей, а на три четверти представляет собой коммуникативный поток, поддерживающий систему отношений и включающий возрастные, сексуальные, статусные, ролевые, культурно-знаковые, ситуативные сигналы. Эти сигналы в основном передаются языком жестов и поз, состоящим из кинем (kineme, элемент движения вроде фонемы) и киноморфем (kinomorpheme, единица движения вроде морфемы). Поскольку жестикуляция и мимика обильны — только в области лица зафиксировано около четверти миллиона мышечных движений, — число кинем внушительно, при этом разнообразны не только жесты, но и их код в различных культурах. При обилии и внешнем сходстве жестов ни один из них «не может быть признан универсальным символом».¹⁴ Скептицизм оппонентов относительно корректности сопоставления набора кинем с алфавитом, а параязыка с вербальным языком,¹⁵ не мешает кинесике набирать популярность и порождать новые подходы к изучению движения.

За кинесикой последовали кантометрия (измерение песен) и хореометрика (измерение танцев) А. Ломакса. Анализ фольклорных песен (первоначально 4 тысячи песен 400 культур)¹⁶ дал не только таксономию и картографию песенных стилей планеты, но и открыл песни и танцы как коммуникативное поведение, стиль которого соотносим с типом социальной организации, эротики, отношения к детям в различных культурах. Именно стиль (характер, ритмика, эмоциональная окраска) песни, а не ее мелодия и словесно-смысловое наполнение, обладает социальным воздействием. Ломакс, сам гитарист и исполнитель, уловил, что песня — «идеальное место связи культуры и коммуникации», а музыка — «общественный ритуал», хотя многим представляется интимным переживанием.¹⁷

¹³ Hall E. T. *The Silent Language*. N.-Y., 1959.

¹⁴ Birdwhistell R. *Kinesics and Context: Essay on Body Motion Communication*. Philadelphia, 1970. P. 81, 86, 87.

¹⁵ См., например: Kendon A. *Gesture and Speech: How They Interact // Nonverbal Interaction*. Beverly Hills, 1983. P. 13–43.

¹⁶ Folk Song Style and Culture. Washington, DC, 1968.

¹⁷ Lomax A. *Cantometrics: an approach to the anthropology of music*. Berkeley, 1976. P. 14, 15.

¹¹ Bramble D. M., Lieberman D. E. *Endurance Running and the Evolution of Homo // Nature*. 2004. № 432. P. 345–352.

¹² *The Incredible Human Journey*, BBC, 2009.

Экспансия антропологии движения в искусство естественна, поскольку касается эмоций. Знаменитый пассаж И. М. Сеченова о том, что смех ребенка, улыбка Гарибальди, любовная дрожь девушки и росчерк пера Ньютона в конце концов являются фактами мышечного движения,¹⁸ при всей его категоричности, связывает эмоции с моторикой. Если в словосочетании «мышечное движение» сделать акцент не на «мышечном», а на «движении», то высказывание основоположника отечественной физиологии окажется кстати при осмыслении моторики как механизма передачи сигналов, наделения их чувством и преобразования в действия.

Пространство моторики не ограничивается телом (биомоторикой). Образ души, ассоциируемый с психомоторикой, во всех культурах связан с движением. Например, у эвенков душа как субстанция жизни определяется словом *энемэты* — «перетекающая», «переливающаяся» (от *эйэ*, течение). Душа движется даже тогда, когда тело покоится, причем делает это нарочито динамично, будто в противовес статике тела: после смерти человека шаман перевозит его душу *ханян* на родовую реку, затем она превращается в душу *оми* и уходит в хранилище душ *омирук* в верховьях мифической реки, а оттуда — на землю, чтобы снова воплотиться в новорожденного. У восточных эвенков душа *оми* с возрастом превращается в душу *ханян*, а после смерти раздваивается на души *оми* и *ханян*, которые поселяются, соответственно, на звезде Чалбон и на втором ярусе верхнего мира.¹⁹

Преращения и путешествия кочующих тунгусских душ показывают связь пространства действий с пространством целей и смыслов, а механизмом этих связей (психомоторики) оказывается кочующая душа. Пространство рассылки и согласования сигналов в психомоторике шире, чем в телесной биомоторике, и для их координации в некоторых культурах определяется несколько душ. Например, у хантов 5 душ (у мужчин), из которых одна связана с миром предков, другая — с жизненным миром, третья — с вращающимся небом, четвертая — с подземельем, пятая — с лесом. На мой

взгляд, подобные «примитивные» картины точнее и ярче передают дизайн психомоторики, чем многие наукообразные конструкции.

Движение сигналов в общественном пространстве (социомоторика) происходит через согласование (в том числе субординацию) персональных биопсихомоторик. Движение в этом измерении регулируется разнообразными социально-гуманитарными технологиями — религией, политикой, правом. Каждая религия по-своему организует поток сигналов в контролируемом пространстве, регламентируя цели, ритмы, ритуалы, мольбы, наказания. Все религиозные институты и заветы устроены для улавливания, подчинения и преобразования человеческой энергии. Религия замещает персональную психомоторику своими образцами и тем самым подчиняет ее. Например, китайский даосизм определяет себя как путь (Дао), покрывая собой движение и все пути — каждой вещи и всего мира. При этом Дао культивирует покой (путь к совершенству), представляя его целью всякого движения.

Сходные технологии в политике и праве использует государство. В отличие от религии оно регламентирует не собственно движение (психомоторику), а пространство, в котором движение происходит. Нередко, правда, функции религии и государства смыкаются, как это случилось в России, и социомоторика объединяет все средства контроля, существенно сужая поле индивидуальной психомоторики. Тоталитарные режимы стремятся к контролю и даже замещению персональных схем психомоторики идеальными типами социомоторики, устанавливая соответствующие моральные кодексы, уставы, режимы, эталоны. При этом, как и в кантометрике А. Ломакса, важен стиль, а не контент. Мало кто различает и критически анализирует смысл молитвы или присяги, находясь в ауре завораживающего религиозного или государственного ритуала.

Мотивационизм

В жизни о мотивах говорят много и часто, особенно при объяснении важных решений. Вокруг них вращаются размышления психологов и физиологов. И. М. Сеченов писал: «Жизненные потребности рождают хотения, и уже эти ведут за собою действия; хотение будет тогда мотивом или целью, а движение — действием или средством достижения цели».²⁰ Но в исто-

¹⁸ Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1961. С. 3–6. Книга, изданная в 1863 г., первоначально называлась «Попытка свести способ происхождения психических явлений на физиологические основы».

¹⁹ См.: Сирина А. А. Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX — начало XXI вв.): дисс. докт. ист. наук. М., 2011.

²⁰ Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1953. С. 146.

рии мотивы не у дел — люди здесь делают не то, что хотят, а то, что им велят законы развития. В антропологии разнообразия больше, но и здесь человек изо всех сил соответствует нормам экзогамии или шариата, олицетворяет системы родства или мифоритуальную символику. Дом здесь не обитель счастья, а тип постройки или семиотический текст; недоразумений не бывает, юмор редок.

В истории мотив — не факт и потому не годится в качестве кирпича знания, из которого строится наука. Более того, хотения существенно расходятся с реалиями, что методологично выразил премьер-министр России 1990-х годов В. С. Черномырдин в афоризме «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Хотения действительно отличаются от свершений, и при обнажении мотивов выявляется тривиальный набор инстинктов и вожделений, каким-то чудом преобразуемых в коварные стратегии финансистов и торжественные позы политиков.

И все же без них, базовых мотивов-инстинктов — голода и жажды, секса, агрессии-иерархии, самосохранения, стайно-стадности, — не формируются цели и не совершаются поступки. Все вместе они образуют мотив жизни — энергию, которая через механизмы психо- и социомоторики движет людьми, делающими историю. Соотношение инстинкта, потребности, мотива, мотивации, цели — область специальных исследований и увлекательных дискуссий.²¹ Траектория мотива причудлива, но его энергия сохраняется даже тогда, когда он оборачивается своей изнанкой (подавленностью, словами З. Фрейда). Например, подавление сексуальности в некоторых конфессиях основано на мотиве сексуальности, который продолжает работать, даже будучи направлен на собственное обуздание. Сексуальная энергия творит чудеса превращений, принимая облик любви, вдохновения, романтизма, агрессии, зависти, юмора, реализуясь в искусствах, науках, войнах, политических конструктах, церемониалах и ритуалах, нарядах и моде, индустрии коммуникаций и развлечений.

Антропология движения, стремясь добраться до истоков, жаждет мотивов и в этом измерении может быть охарактеризована как мотивационизм. В книге «Антропология движения» многие выявленные схемы и сценарии

сориентированы на мотивацию, приближены к формату мотивационно-деятельностных схем. При этом обнаруживается, что базовые мотивы действуют в разных ритмах и режимах. Равномерный ритм голода/насыщения и жажды/утоления адекватен монотонной биомоторике. Секс со своим извечным азартом и риском, напротив, генерирует обширное пространственно-временное поле и синтезирует все виды моторики. Никакие другие мотивы не вызывают столь дальних миграций, столь решительных и непредсказуемых действий, как секс. Во многом именно гиперсексуальность человека создала многосложную моторику, синтезировавшую множество производных мотивов.

Базовые мотивы в калейдоскопе их сочетаний могут создавать эффект резонанса (крайней решимости, вдохновения, маниакальной страсти), но способны и подавлять друг друга. Физиологически это объяснимо тем, что от пищи, питья, наркотиков и сексуального влечения активируются одни и те же нейроны мезолимбической допаминовой системы головного мозга, в которых сосредоточена «универсальная валюта» мотивации — удовольствие.²² Поскольку центр удовольствий сочетает сигналы разных мотивов, их моторика допускает как взаимоусиление, так и замещение. В устойчивых узлах их сплетения синтезируются производные мотивы, усложняющие матрицу моторики. В матрице случаются опухоли, тромбы, засоры, которые вызывают деформацию культуры и ее «заболевания» (например, африканское женское обрезание или христианско-европейский целибат). Подобные патологии наблюдаются в точках конфликтов базовых и производных мотивов, психомоторики и социомоторики.

Выросшая из мотива стайно-стадности, социомоторика обеспечивает контроль над социальным пространством. Мотив стайно-стадности амбивалентен внутренне — в его двойственности сочетаются агрессия хищника и страх травоядного, воля к власти и адаптивная покорность. Социомоторика настроена на подчинение индивидуальных схем, для чего на их основе синтезирует замещающие мотивы-суррогаты. В переплетении психомоторики и социомоторики органические мотивы и

²¹ См.: Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб., 1999; Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005.

²² См.: Atkinson R. L., Atkinson R. C., Smith E. E., Bem D. J., Nolen-Hoeksema S. Hilgard's Introduction to Psychology. History, Theory, Research, and Applications. 13th ed. Orlando, Florida, 2000. Ch. 5.

их социальные двойники образуют синтетические мотивационные конструкты (культурные императивы) — свободы, творчества, богатства, порядка, священного служения (богу, царю, закону, родине, партии).

Социомоторика обладает растущим потенциалом. Ежедневная мотивация человека связана с его социальной ролью, и для многих смысл каждого прожитого дня состоит в реализации общественной функции и сближении с социальной мечтой (имиджем, признанием). Эта повседневность образует общественный поток, охватывающий и захватывающий индивидуальные движения (действия). Социомоторика обеспечивает жизнь общественных «тел» посредством множасьих социальных, политических, правовых, идеологических технологий.

Социомоторика породила целую индустрию коммуникаций, в том числе масс-медиа, настраивающих, направляющих и подавляющих индивидуальную психомоторику. Технологии «укрощения личности» становятся более утонченными и эффективными. Например, в понятии свободы заметно сокращается доля индивидуальности в пользу социальной, виртуозно камуфлируемой риторикой и символикой персональности («Я в социальной сети»). Еще недавно был популярен мотив уединения/одиначества (по крайней мере эпизодического или творческого), звучавший в высказываниях А. Камю «Уединение — роскошь богачей», Л. Стерна «В уединении разум обретает силу и учится опираться на себя» или Ф. Зальтена «Одинокий путник идет дальше других». Сегодня эти суждения вызывают сочувственную улыбку. Информационно-коммуникационная революция наплодила реально-виртуальных сетей и сообществ, породила моду коллекционирования «друзей» и «друзей друзей». Уже повзрослело поколение on-line, с компьютером перед глазами, мобильником в руке и наушниками на голове (поколение поющих сменяется поколением слушающих). Формируется новый эталон и мотив виртуально-социальной свободы, предусматривающий мягкое растворение личности в социальной — свободу от себя, вернее замещение себя социальным суррогатом. Примечательно, что эта «смерть субъекта» случилась в эпоху постмодерна, на волне борьбы с идеологемами и прочими метанарративами. Современный виртуальный социализм, заместивший устаревшие образцы «реального» социализма, с одной стороны, поддерживает древнейший

стаينو-стадный инстинкт-мотив, с другой — напоминает общины христиан и советский строй, с третьей — реализует западную модель глобализации.

Впрочем, разговор о подавлении личности обществом не нов. Так было при всех тоталитарных политических и религиозных режимах. Во многом движение в истории мотивировано напряжением между свободой и необходимостью, волей и неволей. В этом поле переменного тока разворачивались завоевания, колонизации, революции, когда стаينو-стадный коллективизм обнажал свое естество, а ему противостояли индивидуальный авантюризм, бунтарство, диссидентство, странничество, затворничество. Мотивы вскрываются и в других ситуациях пограничности и перехода границ, например в путешествиях, когда освобождение от привычных социальных уз ведет к самопознанию.²³ Антропология путешествий перспективна еще и потому, что именно путешественники в своих итинерариях и путевых заметках описывают состояние движения *per se*. В целом история мотивов в их устойчивости и изменчивости, историко-антропологических микро- и макросценариях представляет ключевой интерес для антропологии движения.

Визуализация

Р. Бёрдвистелл в кинесике, как и А. Ломакс в кантометрии и хореометрии, не обошелся без кинематографа.²⁴ Киновзгляд он заимствовал у своей наставницы М. Мид, которая в 1930-е гг., вместе со своим мужем Г. Бейтсоном, начала фото- и киносъемки на Бали, ища адекватности в фиксации эмоций и оттенков поведения. В свою очередь Мид и Бейтсон вооружились камерами не без влияния их наставника Ф. Боаса, увлеченного в ту пору исследованиями ритма и танцев. Сам Боас использовал фотографию с 1894 г., но кинокамеру (вместе со звукозаписывающим устройством с восковым валиком) взял в руки лишь в 1930 г., накануне своего последнего полевого выезда к индейцам квакиютль (в сопровождении молодой советской исследовательницы Ю. П. Аверкиевой, помогавшей семидесятилетнему мэтру в изучении туземных танцев).

²³ См.: Leed E. J. Op. cit. P. 9–12.

²⁴ См.: Р. Бёрдвистелл «Микрокультурные инциденты в десяти зоопарках» (1970), А. Ломакс «Танец в истории человека» (1974), «Игра ладони» (1977), «Стиль шага» (1977), «Долгий путь» (1984).

Неизвестно, как Боас отнесся к снятому в 1920–1921 гг. среди эскимосов фильму Р. Флаэрти «Нанук с Севера». При своем повышенном интересе к эскимосам он не мог не заметить фильма Флаэрти и его феноменального успеха (вскоре после проката фильма появилось мороженое «эскимо», которое в Европе называлось «нанук»); кроме того, есть упоминание о визите к нему в 1914 г. Френсис Флаэрти, жены Роберта, с просьбой поддержать затею мужа.²⁵ И в дальнейшем пути антропологии и кино пересекались: свой второй фильм («Моана южных морей») Флаэрти снимал в 1925 г. на Самоа, где чуть позже проводила полевые исследования студентка Боаса М. Мид. Правда, в ту пору она, как и ее учитель, остерегалась «балаганности» кино и оберегала научность от художественности. Киноматериал, отснятый Боасом, Бейтсоном и Мид в 1930-е гг., долго оставался невостребованным. Боас даже сообщал, что киноленту у него украли. Бейтсон и Мид отсняли 22 тыс. футов (6,5 км) киноленты, но она, в отличие от опубликованных в книгах фотографий, пролежала полтора десятка лет, пока из нее были смонтированы фильмы «Балийская семья» (1951), «Транс и танец на Бали» (1952), «Первые дни жизни ребенка на Новой Гвинее» (1952), «Детское соперничество на Бали и Новой Гвинее» (1954) и др.²⁶

После этих первых неуверенных шагов на встречу друг другу антропология и кино нашли общий язык благодаря подвижничеству Ж. Руша, Дж. Маршалла, Р. Гарднера, Т. Эша, Н. Шаньона, а также экспериментам Р. Бёрдвистелла и А. Ломакса. Сегодня кино, вместе с телевидением и интернетом, стало основным каналом информации (а также удобным инструментом гуманитарных исследований). Видеоэкспансия — спутница информационной революции, и современная коммуникация немыслима без визуализации. Это относится и к науке, которая выходит за рамки фиксации фактов и ищет живого и движения.

«Визуализация сердца» считается экспертами главным направлением оптимизации методов кардиологии. Визуализация мотиваций, рисунка действий, карты миграций дает тот же эффект в области гуманитарных тех-

нологий. Визуальная культура стала сегодня актуальной долей общекультурного фонда, формируя в человеке новую матрицу мировосприятия, от экранной грамоты до стилизации под экран. Становление новой аудиовизуальной культуры само по себе вызывает к жизни адекватную антропологию. Нынешнее явление визуальности означает своего рода прозрение науки, обретение нового средства коммуникации — языка изображения, доведенного кинематографом за минувший век до всеобщей потребности.

Поскольку кино сущностно родственно антропологии, науке о человеке пристало свободно говорить на языке изображения. Киноантропология может открыть новые грани и ракурсы самопознания человека и гуманитарного исследования. Сходство антропологии и кино обнаруживается не только в методологии, но и в методике. Так называемое включенное наблюдение — их общий исследовательский метод. Ремесло антрополога и историка — монтаж фактов (текстов), подобный монтажу кадров в кинематографе. Законченность действия — канон съемки и монтажа в кино; то же самое — элементарная единица антропологии движения.

Аудиовизуальность представляется важнейшей сферой гуманитарных технологий, позволяющей не только адекватно транслировать и наглядно представлять факты и их интерпретации, но и на современном уровне включать полученные знания в научный оборот и информационный поток. Инновационные гуманитарные технологии включают, наряду с аудиовизуальными, виртуальные методы сбора данных, проведения публичных и экспертных дискуссий в масс-медиа, коммуникации и публикации посредством интернет-ресурсов. Гуманитарная наука нуждается в расширении исследовательского диапазона и обогащении своего языка, особенно сегодня, когда над ней навис вопрос об адекватности динамичным реалиям.

В качестве пополняемого свода аудиовизуальных и текстовых данных антропологии движения можно представить виртуальный атлас движения, включающий научную матрицу движения, анимационные схемы биопсихомоторики (движения сигналов в человеке) и социомоторики (движения сигналов в обществе), видеопанораму мотивов и мотивационно-деятельностных схем в истории и современности, мэппинг и визуальные ре-

²⁵ Ruby J. Franz Boas and Early Camera Study of Behavior // *Kinesics Report* 3. 1980. P. 7, 8.

²⁶ Jacknis I. Margaret Mead and Gregory Bateson in Bali: Their Use of Photography and Film // *Cultural Anthropology*. 1988. Vol. 3, № 2. P. 160–177.

конструкции освоения человеком планеты и различных ее эконисш, энциклопедию номадизма, экспозицию планетарного многообразия телесного языка и проксемики, набор сценариев контроля над пространством (включая геополитику).

Навигация

Атлас движения останется бездыханным, если будет служить складом научных знаний. Оживить его способна функция навигации (и анимации), позволяющая интерактивно осваивать его пространство и ресурсы. Комплектование атласа и создание навигатора антропологии движения — забота науки, но аудитория пользователей не может ограничиваться цехом профессионалов. Атлас-навигатор лишь в том случае даст гуманитарный эффект, если будет широкодоступен и полезен. Понятно, что у пытливого исследователя, веселой школьницы и заботливой бабушки могут быть разные запросы, и навигатор должен обладать достаточным репертуаром, чтобы удовлетворить потребности людей разных профессий, конфессий, возрастов, полов и культур.

Связь научного оборота с человеческим оборотом достигается тем, что «долгий ящик» ученого подключается к «потребительской корзине» обывателя, причем без ущерба для фундаментальности, но с эффектом полезности. Прикладное значение антропологии движения как гуманитарной технологии состоит в ее способности активировать и структурировать мотивацию, стратегии контроля над социальным пространством, дипломатию и этику коммуникации в разных средах и обстоятельствах. Человек, владеющий этими гуманитарными технологиями, способен контролировать реальность, а не влачиться по ней.

Попытки отделить знание от действия, укрыться от практики в схоластике обернулись сегодня кризисом гуманитарных, в том числе исторических, наук. Возвращение к технологиям неизбежно произойдет и уже происходит. Вопрос лишь в том, кто его инициирует — исследователи-гуманитарии или деятели религии и политики. Гуманитарной науке представлен выбор — смиренно лечь на музейную полку или пуститься в изнурительную гонку, от которой она давно отвыкла. Многие гуманитарии, преуспевая в фундаментальных изысканиях, нарочито и по-своему обоснованно дистанцируются от знания-в-действии. В этом

случае знания, если не остаются достоянием узкого круга экспертов, интерпретируются и доставляются обществу средствами массовой информации. В антропологии решающая роль посредника — носителя и технолога информации — слишком очевидна, чтобы не обратить на нее особого внимания. Не замещая собой масс-медиа и иные информационные технологии, гуманитарная наука способна максимально полно готовить свой продукт для информационного поля (или рынка) и общественного спроса-потребления. В значительной степени она способна и формировать этот спрос.

Синтез гуманитарных знаний и технологий свойствен творчеству ряда выдающихся исследователей прошлого века. Т. Хейердал своими геоантропологическими экспериментами создал новую ментальную модель власти над пространством (в СССР эхо этого эксперимента отозвалось на вкусах и интересах целого поколения — поклонников телепутешествий Ю. Сенкевича); К. Леви-Стросс открыл и популяризовал новый когнитивный алгоритм на основе интерпретации мифологии как кода мировоззрения и мироздания; Д. С. Лихачев предложил социально значимые концепции актуального фонда языка и экологии культуры. Все эти гуманитарные идеи, рожденные как персональные проекты, стали реалиями культуры. Симптоматично, что точки роста современной антропологии тоже генерируются не в ауре созерцательности, а в режиме проективности. Например, конструктивизм служит одновременно академической методологией и гуманитарной технологией, причем на уровне структурирования национальной идентичности и других значимых гуманитарно-технологических понятий и категорий (см. работы В. А. Тишкова).

Дорожная карта антропологии движения опирается на факторы активности — мотив, персону, проектное мышление, деятельностьную схему. В этом ракурсе субъекты истории и антропологии предстают не исполнителями объективных законов и жертвами внешних обстоятельств, а мотивированными персонами. Антропология движения как методология ориентирована на генерирование историко-антропологического знания о мотивах действия, о соотношении персональной деятельности и социальных эффектов, о потенциале человека в природном и социальном пространстве. В качестве технологии эта методология оборачивается установкой: человек, осознанно корректи-

рующий свою мотивационно-деятельностную схему, обладает усиленным проектным потенциалом. С этим связаны качества идентично-

сти, достоинства и другие характеристики человека-деятели, ради которого и разрабатывается антропология движения.

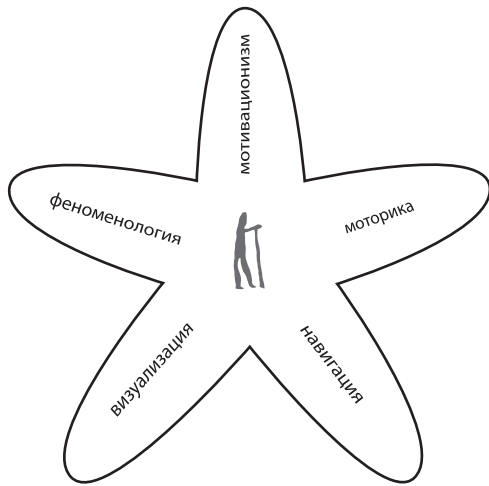

СХЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ ДВИЖЕНИЯ

Феноменология: природа движения ↔ освоение ойкумены ↔ энциклопедия номадизма ↔ история колонизации ↔ антропология революции

Моторика: биомоторика ↔ психомоторика ↔ социомоторика

Мотивационизм: матрица мотивов ↔ алгоритм мотив–решение–действие ↔ мотивационно-деятельностная схема ↔ проектное мышление

Визуализация: киноэнциклопедия движения ↔ картография путей и коммуникаций ↔ анимация схем и сценариев движения

Навигация: виртуальный атлас движения, персонализация репертуара, режиссура интерактивности

Ключевые слова: антропология, движение, дорожная карта, методология, технология, динамика, статика, мотив, визуализация

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS,
Head of the Department of Archaeology and Ethnology of Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

A ROADMAP OF THE ANTHROPOLOGY OF MOVEMENT.

Research agenda of the anthropology of movement is presented as a route-montage (roadmap) comprising the following methodological and technological aspects. (1) Phenomenology linking knowledge of different sciences on the nature of movement including the phenomena of symmetry/asymmetry, dynamics/statics, sustainability/changeability. (2) Motion-drivers of activity and conveyance of signals in bio-, psycho-, and socio-dimensions. (3) Motivationism focusing on the key role of motives in human motion. (4) Visualization as a method of research and presentation of the matrix and scenarios of movement. (5) Navigation providing applied function of the anthropology of movement in algorithm motive–decision–action.

Key words: *anthropology, movement, roadmap, methodology, technology, dynamics, statics, motive, visualization*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Atkinson R. L., Atkinson R. C., Smith E. E., Bem D. J., Nolen-Hoeksema S. Orlando, Florida: Harcourt College Publishers, 2000, Ch. 5. (in English).
- Bernshteyn N. A. Moscow: Meditsina, 1966, 349 p. (in Russ.).
- Birdwhistell R. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970, 338 p. (in English).
- Blok M. Moscow: Nauka, 1986, 256 p. (in Russ.).
- Bramble D. M., Lieberman D. E. *Nature*, 2004, № 432, pp. 345–352. (in English).
- Charushin V. N., Chupakhin O. N. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk* (Herald of the Russian Academy of Sciences), 2007, Vol. 77, № 5, pp. 403–408. (in Russ.).
- Clifford J. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997, 416 p. (in English).

- Folk Song Style and Culture*. Washington, DC: American Association for the Advancement of Science, 1968, 308 p. (in English).
- Golovnev A. V. Ekaterinburg: UrO RAN; Volot, 2009, 496 p. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk* (Herald of the Russian Academy of Sciences), 2011, Vol. 81, № 8, pp. 700–706. (in Russ.).
- Hall E. T. New York: Doubleday, 1959, 209 p. (in English).
- Ilin Ye. P. St. Petersburg: “Piter”, 2000, 512 p. (in Russ.).
- IX Kongress etnografov i antropologov Rossii* (IX Congress of ethnographers and anthropologists of Russia). Petrozavodsk: IYaLI KarNTs RAN, 2011, pp. 104–111. (in Russ.).
- Jacknis I. *Cultural Anthropology*, 1988, Vol. 3, № 2, pp. 160–177. (in English).
- Kendon A. *Nonverbal Interaction: collected papers*. Beverly Hills: Sage Publications, 1983, pp. 13–43. (in English).
- Leed E. J. New York: Basic Books, 1991, 328 p. (in English).
- Leontev A. N. Moscow: Smysl, Akademiya, 2005, 352 p. (in Russ.).
- Lomax A. Berkeley: University of California Press, 1976, 276 p. (in English).
- Maslou A. G. St. Petersburg: Yevraziya, 1999, 478 p. (in Russ.).
- Ruby J. *Kinesics Report 3*, 1980, pp. 7–16. (in English).
- Sechenov I. M. Moscow: Izd. AN SSSR, 1961, 100 p. (in Russ.).
- Sechenov I. M. Moscow: Uchpedgiz, 1953, 335 p. (in Russ.).
- Simon H. New York: The Free Press, 1997, 368 p. (in English).
- Sirina A. A. *Problemy tipologii i preemstvennosti etnicheskikh kultur evenkov i evenov (konets XIX — nachalo XXI vv.): dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk* (Problems of Typology and the continuity of the ethnic cultures of the Evenks and Evens(end XIX — beginning XXI century): thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences). Moscow: IEA RAN, 2011. (in Russ.).
- Stori Dzh. *Ural'skij istoricheski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2011, № 2(31), pp. 34–39. (in Russ.).
- Tishkov V. A. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk* (Herald of the Russian Academy of Sciences), 2010, Vol. 80, № 10, pp. 947–950. (in Russ.).
- Tom R. Moscow: Logos, 2002, 280 p. (in Russ.).
- Vakhtin N. B. *Antropologicheskiy forum* (Anthropological forum), 2010, № 12, pp. 423–439. (in Russ.).